

Н.Г. ЮЗЕФОВИЧ, Ю.М. МАРКИНА*
КОНЦЕПЦИЯ ПРОКСИМИЗАЦИИ
КАК МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Рецензия на книгу: Sap P. Proximization. The pragmatics of symbol distance crossing. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin’s publishing company, 2013. – 220 p.

В настоящей рецензии представлена опубликованная в 2013 г. монография широко известного в западном научном мире польского ученого Петра Цапа (**Piotr Sap**) *Proximization. The pragmatics of symbol distance crossing*, где системно представлена теория проксимизации.

Профессор Пётр Цап возглавляет кафедру прагматики в университете г. Лодзь (Польша), сфера его интересов включает лингвистическую прагматику, политическую лингвистику, медиа-дискурс, деловую коммуникацию. Значимость научных достиже-

---

* Юзефович Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета, e-mail: yuzefovich_2005@mail.ru

Маркина Юлия Михайловна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского государственного университета, e-mail: markina.khv@gmail.com

Yuzefovich Natalia, Pacific National University (Khabarovsk, Russia), e-mail: yuzefovich_2005@mail.ru

Markina Iuliia, Pacific National University (Khabarovsk, Russia), e-mail: markina.khv@gmail.com

ний ученого подтверждается тем, что его неоднократно приглашали для чтения лекций в университеты США и Европы.

Рассматриваемые в монографии аспекты теории проксимизации основаны на многолетнем изучении объемного эмпирического материала. Теория проксимизации (термин «проксимизация» введен в 2005 г. П. Чилтоном *Chilton 2005) разработана в междисциплинарном аспекте, где пересекаются подходы таких ученых, как П. Чилтон (Paul Chilton), Кристофер Харт (Christopher Hart), Патрисия Данмир (Patricia Dunmire), etc.

Теория П. Цапа представляет собой систематизацию конструирования политического дискурса как комплексной теории, объединяющей методы когнитивной лингвистики, политической лингвистики, политологии, критического анализа дискурса, политологии, типологии и стилистики текста.

Соответственно, рецензируемая книга, несомненно, интересна для отечественных ученых, занимающихся вопросами политологии и политического дискурса, политической лингвистики, когнитивной лингвистики и риторики.

Книга включает семь глав, логично связанных между собой, выводы каждой предыдущей развиваются в последующей. Следует особо подчеркнуть, что системная теория проксимизации в политическом дискурсе, которая предлагается в настоящем труде, в перспективе может быть представлена в аспекте общей теории коммуникации.

Монография фактически равномерно по объему делится на две части: в первых четырех главах определяются основные понятия, терминологический аппарат, который иллюстрируется примерами. В главах 5, 6 и 7 представлен последовательный анализ эмпирического материала, подтверждающий введенные ранее положения и понятия. П. Цап, в отличие от П. Чилтона, уделяет значительное внимание анализу лингвистических средств как наиболее существенных маркеров всех параметров модели проксимизации.

Первая глава «Введение» является вводной ко всей книге: автор формулирует основные задачи своего труда, выделяет основной терминологический аппарат и представляет краткий обзор формирования понятия «проксимизация» как довольно нового научного концепта (2005–2010).

Основные задачи монографии [Cap, 2013, p. 6] включают:

– систематизацию различных подходов к определению феномена проксимизации как средства объяснения различных аспектов политического дискурса в когнитивно-прагматической и когнитивно-лингвистической парадигмах, включая и методы критического анализа дискурса;

– создание модели исследуемой сферы: захватнического военного дискурса, как наиболее существенного для обоснования теории проксимизации;

– обобщение разнообразных теоретических подходов, представленных в трудах западных ученых и накопленный эмпирический материал в систему, последовательно интегрированную модель проксимизации, способствующую реализации легитимизации, т.е. придания законности действиям захватнического характера;

– выделение основных характеристик теории соответственно дискурсивному событию с учетом качественно-количественного анализа, что подтверждает как валидность данной теории, так и возможность ее применения для анализа других сфер дискурса (медиа, институционального).

Суть теории проксимизации в самом широком и общем смысле заключается в моделировании конструкторов, позволяющих представить удаленные в пространстве, времени и аксиологически события как релевантные для настоящего времени, создающие угрозу для общества [Ibid, p. 3], что в конечном счете способствует легитимизации действий политика, т.е. военных действий.

Важно отметить, что эпиграф первой главы является своего рода основным лингвистическим маркером захватнического дискурса, что раскрывается на различных стадиях дальнейшего анализа: *On a September morning, threats...* (цитата; Дж.У. Буш Обращение к нации, 2003 г., за три недели до начала военных действий в Ираке).

Фраза «сентябрьским утром», по сути, превращается в метафорическую номинацию надвигающейся угрозы, она связана, в первую очередь, с событиями 11 сентября 2001 г., при этом указывает на реальность аналогичной угрозы и в настоящем, т.е. является своего рода призывом к немедленным действиям, что способствовало легитимизации военных действий США.

Связывая события 2001 и 2003 гг. в единое целое, политик убеждает аудиторию в необходимости военных действий против Ирака, источника терроризма.

Во второй главе «Проксимизация как лингвистическое понятие» («Proximization as a (linguistic) concept») П. Цап формулирует суть термина «проксимизация» в аспекте когнитивного, прагматического и критического подходов. Анализируя работы западных ученых, П. Цап приходит к выводу о том, что проксимизацию следует рассматривать как научную теорию, объединяющую когнитивистику, прагматику и критический анализ политического дискурса. Конструирование модели дискурсивного пространства на основе параметров проксимизации позволит систематизировать основные аспекты политического дискурса.

Проксимизация временного пространства, «конструкта времени», который не совпадает с реальным временем, но при этом имплицитно связывает события в прошлом с реальной угрозой в настоящем, по мнению ученого, позволит политическому деятелю оказать необходимое воздействие на аудиторию. Конечная цель данного воздействия заключается в легитимизации, т. е. обосновании необходимости и законности превентивных мер, иначе говоря, военных, захватнических действий.

П. Цап особо выделяет значимость лингвистических данных, анализируемых как количественно, так и качественно. Проксимизация рассматривается им как **конечный результат дискурсивного события**, а не как средство достижения определенного дискурсивного эффекта [Ibid, p. 26]. Иначе говоря, теория проксимизации делает акцент на прагматическое воздействие.

Анализируя концептуальную организацию дискурсивного пространства, П. Цап делает вывод о том, что оно представлено в трех измерениях: пространственном, временном и аксиологическом.

Пространственное измерение отражает близость и отдаленность сущностей дискурсивного пространства: центр («своя территория») и периферия – удаленные государства, расположенные в удалении от центра как географически, так и геополитически.

Временное измерение включает реальное (прошедшее) время и предполагаемую угрозу непосредственно в настоящем: проектирование аналогичного события.

Аксиологическое измерение отражает моральные ценности, идеи, которые также помещаются в данное дискурсивное пространство и выражаются соответствующими лексическими маркерами.

Глава третья «Проксимизация и легитимизация» («Proximization and legitimization») посвящена доказательству валидности прагматического подхода как основы теории проксимизации, что включает количественный и качественный анализ лингвистических данных. Ученый подчеркивает, что дискурсивная модель проксимизации способствует легитимизации «захватнического» дискурса [Ibid, p. 46].

Политическая легитимизация включает комплекс стратегий создания положительной самопрезентации, в том числе роль лидерства в борьбе с терроризмом. Геополитический контекст «захватнического» дискурса наиболее адекватно выражается в терминах теории проксимизации.

Анализ «Обращения к нации» Дж.У. Буша, в котором политик, легитимизирующий военные действия США, иллюстрирует валидность модели проксимизации: удаленная от центра (т.е. США) территория, периферия, представлена как реальная угроза, приближающаяся к центру, что и требует вовлечения американских военных в действия на чужой территории, среди чужих людей, в «чужом» пространстве.

Насыщенность речи Дж.У. Буша аксиологически значимыми номинациями: *freedom* (свобода), *patriotism* (патриотизм), *justice* (справедливость), *home territory* (своя территория) способствует легитимизации военных действий: «угроза дому», «нашей территории» исходит от *alien* («чужих»).

Основным параметром модели является пространственное измерение, в котором размещены временное и аксиологическое. Именно постепенное сближение своего и чужого пространства создает прагматический эффект надвигающейся угрозы.

В четвертой главе «Концептуальная структура модели проксимизации Пространственно-Временная-Аксиологическая модель» (Conceptual structure of the (S)patial-(T)emporal-(A)xiological Model of Proximization) обосновывается концептуальный каркас модели проксимизации STA model (модель ПВА) как основы последующего системного анализа политических речей, который проводится в пятой главе.

Модель проксимизации представляет собой концептуальную основу интегрированного качественно-количественного анализа политической риторики США периода 2001–2010 гг. Ученый подчеркивает, что три измерения (пространственное, временно□е,

аксиологическое) создают когнитивный каркас, архитектуру модели, скрепленную корпусом лексико-лингвистических средств (лексико-грамматическими «кирпичиками»).

В главе подробно анализируется фраза «сентябрьским утром», прагматический потенциал которой способствует созданию временного конструкта надвигающейся реальной угрозы. Данная фраза в контексте захватнического военного дискурса используется неоднократно (2003, 2004 г., 2005 г.; в последующих исследованиях – как отмечает ученый), при этом она становится своеобразным кодом, позволяющим приближать события прошлого к настоящему.

Пространственное измерение (центр и периферия, где и заключается потенциальная угроза) воспринимается соответственно используемыми лексическими маркерами «своей» территории и периферийной. Потенциальная скорость распространения угрозы определяется скоростью сближения в пространственном измерении центра и периферии. Включение нескольких периферийных объектов способствует формированию ощущения глобальности угрозы, которая представлена многочисленными периферийными источниками.

Достижению прагматического эффекта способствуют эмоционально насыщенные лексические маркеры *threat* «угроза», *murder* «убийство», *death* «смерть», имплицитующие постепенное сближение периферии с центром.

Аксиологическое измерение представляет собой идеологический конструкт, в котором противопоставлены ценности своего дома и чужого, что подчеркивает антагонизм пространства.

В заключение главы ученый обобщает основные параметры разработанной им модели, подчеркивая, что доминантой модели является пространственное измерение.

Пятая глава «ПВА-модель и десятилетие 2001–2010 антитеррористического дискурса: Методология и данные» («The STA model and the 2001–2010 decade of the anti-terrorist discourse: Methodology and data») в большей степени носит методологический характер. Автор подробнее останавливается на возможности модели ПВА как основы количественного анализа политической риторики, где тщательно изучается корпус лексико-грамматических средств каждого из трех измерений модели.

Эмпирическим материалом для исследования и анализа послужили более чем 400 официальных текстов с сайта Белого дома, официальные доклады и комментарии антитеррористического дискурса Дж.У. Буша и Б. Обамы. Исследуемый период охватывает десять лет с 2001 по 2010 г. и позволяет проследить тенденции модели исследуемой сферы для обоснования теории проксимизации. Автор детально изучил общий стиль изложения, лексико-грамматические средства, модели дискурса, уделяя внимание количественному порогу, установленному для всех трех измерений когнитивного каркаса, необходимого для анализа, что позволило провести достоверный сравнительный анализ.

На основе выделенных по группам категорий ключевых лексико-грамматических средств, актуализирующих каждое из измерений (пространственное, временное и аксиологическое), произведен количественный анализ лингвистических данных, подтверждающий, что легитимизация американских антитеррористических мер и действий в указанное десятилетие меняла стратегическую направленность, применяя определенное измерение проксимизации. Причинами таких изменений послужили геополитические, военные и институциональные обстоятельства.

Приведенный анализ частоты использования ключевых лексико-грамматических средств подтверждает (количественно) главенствующую роль пространственной проксимизации в американском антитеррористическом дискурсе.

Шестая глава «ПВА модель и десятилетие 2001–2010 антитеррористического дискурса: Дискуссия («The STA model and the 2001–2010 decade of the anti-terrorist discourse: Discussion») состоит из четырех частей (в соответствии с выделенными периодами (P1, P2, P3, P4) анализируемого десятилетия), развивающихся по одной сценарной линии: начиная с описания геополитического контекста периода, мотивов применения указанной стратегии проксимизации или комбинации стратегий, далее изучается ответ на контекст, о чем свидетельствует частота лексико-грамматических средств, полученных в ходе анализа, проведенного в главе 5, в той же последовательности (средства, категория, конструкция).

В заключение главы П. Цап делает вывод, что дискурсу первого периода (P1 September 11, 2001 – October 31, 2003) свойственно доминирование пространственной и временной проксимизации. Предполагая наличие четкой, прямой и «осязаемой» угрозы,

она направлена на быстрое и безоговорочное оправдание ответных действий в Афганистане, и, позже, превентивной войны против Ирака, включает в себя интерпретацию напряженной и угрожающей активности существующего врага, большого количества страхов, а также и многочисленных запросов на властное и сильное руководство. В дискурсе второго периода (P2 November 1, 2003 – June 20, 2004) в большей степени применима аксиологическая проксимизация. Переключение на аксиологическую проксимизацию – это реакция на геополитические, неязыковые изменения. Антагонистические настроения растут, аккумулируются и даже материализуются на своей территории. Антитеррористический дискурс третьего периода (P3 July 1, 2004 – January 19, 2009) выявляет значение временной проксимизации. В этот период американская Администрация восстанавливает утраченное доверие, связанное с провалом разведывательной работы по обнаружению оружия массового поражения в Ираке, создаются позитивные изменения, такие как формирование свободного Правительства в Ираке, что позволяет имплицировать связь событий настоящего с успехом Правительства Буша в будущем. В момент усиливающейся террористической активности (взрывы в Лондоне в 2005 г.) пространственная проксимизация соединяется с временной. Дискурсу четвертого периода (P4 January 20, 2009 – December 31, 2010) свойственны аксиологическая и временная проксимизация. Это находит отражение в рутинизации террористической угрозы в речах Обамы, что подтверждается рядом аксиологических интерпретаций, где в дискурсивное пространство помещаются «внутренние угрозы» и «внешние угрозы», связанные с риском игнорирования американских исторических ценностей, которые Обама считает гарантиями безопасности Америки.

Таким образом, автор теоретическую и методологическую состоятельность модели подкрепляет описательной, т.е. с учетом качественно-количественного анализа подтверждает как валидность теории, так и возможность применения модели ПВА для анализа других сфер дискурса, о чем пишет в заключительной главе «О дальнейшем применении теории проксимизации» («*Toward further applications of proximization theory*»). Считается возможным применение теории проксимизации и Пространственно-Временной-Аксиологической модели в анализе дискурсов сферы здравоохранения, окружающей

среды, современных технологий, самопрезентации политических движений и партий.

Не вызывает сомнения, что результаты исследования позволяют предположить, что системная теория проксимизации в политическом дискурсе может быть представлена в аспекте общей теории коммуникации.

Положения монографии могут быть интересны ученым, работающим над междисциплинарными проектами, объединяющими методы когнитивной лингвистики, прагматики, политической лингвистики, критического анализа дискурса, а также учтены и применены для анализа материалов в таких сферах, как журналистика и связи с общественностью в политике, в системе государственного управления. Считаю целесообразным применение предложенной автором модели для анализа российского политического дискурса. В условиях современных реалий (активные действия в сфере информационного пространства, антироссийская риторика европейского и американского обществ, антироссийские санкции) актуализируется значимость в дальнейшем прогнозирования возможных последствий информационного воздействия, способствующего легитимизации (придания законности) действий захватнического характера на аудиторию.

Список литературы

- Cap P.* Proximization. The pragmatics of symbol distance crossing. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's publishing company, 2013. – 220 p.
- Cap P.* Towards the proximization model of the analysis of legitimization in political discourse // *Journal of Pragmatics*. – Amsterdam, 2008. – N 40/1. – P. 17–41.
- Chilton P.* *Analysing Political Discourse. Theory and Practice*. – L.: Routledge, 2004. – 240 p.
- Chilton P.* Missing links in mainstream CDA: Modules, blends and the critical instinct // *A new agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, methodology and interdisciplinarity* / R. Wodak, P. Chilton (eds). – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's publishing company, 2005. – P. 19–51.